

Семья

напрокат

до рассвета

ИИ
Мария Златова

Мария Златова

Семья напрокат до рассвета

«Автор»

2026

Златова М.

Семья напрокат до рассвета / М. Златова — «Автор», 2026

Как пережить день, когда матери исполнилось бы семьдесят, если накрыт стол, а разделить его не с кем? Марк заказывает семью напрокат: ему нужны тосты, улыбки и чувство, что он не один. Когда время встречи истекает, он просит не смотреть на часы. Ещё десять минут. Потом ещё. У временных родственников есть тариф и право уйти. У Марка — горе, сожаление и несказанные слова. Один вечер становится болезненной проверкой близости: можно ли попросить тепла, не присваивая чужую заботу? Как извиниться, не требуя прощения? Как отпустить, не обесценив пережитое? «Семья напрокат до рассвета» — трагикомедия о памяти, одиночестве и границах, которые делают близость честной. Для тех, кто переживал утрату или учится отпускать. История напоминает: не всё можно исправить за ночь, но можно сделать один честный шаг. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Златова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Заказ на семейный вечер	6
Родственники по инструкции	11
Правила временной близости	15
Клиент просит не смотреть на часы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мария Златова

Семья напрокат до рассвета

Семья напрокат до рассвета

Мария Златова

Заказ на семейный вечер

Марк снял со стола лишнюю тарелку, подержал её в руках и вернул на место.

Фарфор тихо стукнул о дерево. В пустой квартире звук получился таким отчётливым, будто кто-то поставил точку в конце длинного письма.

До семидесятилетия матери оставалось четыре часа. Вернее, до дня, когда ей исполнилось бы семьдесят. Марк не любил эту разницу между «исполняется» и «исполнилось бы». Первая формулировка принадлежала живым, вторая — людям, которым предстояло выбирать слова поосторожнее.

Он передвинул тарелки, выравнивая их по краю стола. На кухне пахло лимонным средством для уборки и яблоками, которые он купил ещё во вторник, хотя ел их редко. На подоконнике стояла чашка с тонкой трещиной. Мать называла её «дачной», хотя никогда не брала на дачу. Чашка просто пережила остальные и поэтому получила почётное звание.

В гостиной на книжной полке лежала фотография: мать на берегу моря, в светлой панаме, щурится от солнца и смеётся. За три года до этого снимка она ещё сама ездила в магазин, ругалась с телевизором и требовала, чтобы Марк позвонил Вере. Потом начались больницы, дежурства, списки лекарств и разговоры, в которых вся семья старалась не произносить слово «потом».

Теперь матери не было. Вера была, но далеко — в другом конце города и в телефоне Марка, под буквой «В».

Он взял мобильный. Открыл контакт сестры. На экране появилось её имя и фотография, сделанная задолго до того, как они перестали разговаривать. Вера держала в руках бумажный стаканчик, Марк показывал ей язык. На заднем плане мать смотрела в объектив с видом человека, который уже знает, чем закончится эта фотография: спором о том, кто из детей на неё не похож.

Марк набрал: «Сегодня маме могло бы исполниться семьдесят. Ты...»

Он остановился. Палец завис над клавиатурой. В голове уже сложился ответ Веры: «Знаю». Или хуже: «Не надо». Или совсем не ответа.

Три года назад на похоронах они поссорились из-за пустяка, который к тому времени перестал быть пустяком. Вера сказала, что он всё превращает в редакторскую правку. Марк ответил, что она всё превращает в обвинение. Потом они оба замолчали, и молчание оказалось удивительно удобным: ничего не требовало и не могло быть опровергнуто.

Он стёр набранное.

На столе для четверых стояли четыре тарелки. Одну он поставил для себя. Вторую — для сестры, которой не позвонил. Третью — для того, кто должен был приехать. Четвёртая оставалась рядом с фотографией матери. Марк не знал, правильно ли так делать. Он не собирався разговаривать с фотографией, а уж тем более просить у неё благословения. Просто не смог убрать тарелку.

В такие вечера у каждого предмета появлялась лишняя работа.

Он открыл ноутбук и в поиске набрал: «семейный ужин заказать родственников».

Первой ссылкой был сервис «Близкие рядом». Сдержанный сайт в мягких цветах обещал не «идеальную семью», а «профессионально организованное присутствие». Под заголовком стояло предупреждение: «Мы не заменяем близких людей и не гарантируем эмоциональный результат». Марк оценил честность формулировки. Как редактор он знал: если обещание слишком гладкое, значит, в сноске спрятано что-то важное.

На странице заказа были тарифы.

«Кофе с родственником» — один человек, до полутора часов.

«Семейный вечер» — два участника, до трёх часов.

«Праздник без повода» — до пяти участников, ведущий и дополнительная сервировка.

Марк выбрал «Семейный вечер». Рядом всплыло уточнение: «Для кого организуется встреча?» Он отметил: «Для меня».

Потом — «Предпочтительная степень близости». В выпадающем списке значились: «вежливая», «дружеская», «семейная», «очень семейная». Последний вариант сопровождался пояснением: «Уместны тёплые обращения и спонтанная забота, если они согласованы заранее». Марк усмехнулся. Спонтанность, согласованная заранее, показалась ему достойной премии в области бюрократического юмора.

Ниже находилась графа «Допустимые темы разговора». Он отметил еду, книги, погоду, фильмы. Поставил галочку возле пункта «воспоминания о семье», тут же снял её и долго смотрел на пустой квадратик.

На экране возникло поле: «Темы, которых следует избегать».

Марк написал: «Смерть мамы». Стер. Написал: «Маму». Снова стёр.

Вместо этого он набрал: «Не делать вид, что вы её знали».

На сайте появилось уведомление: «Спасибо за уточнение. Координатор свяжется с вами, чтобы согласовать детали». Через минуту зазвонил телефон.

— Марк? Добрый вечер. Меня зовут Даша, я координатор сервиса «Близкие рядом». Удобно говорить?

Голос у неё был спокойный, не слащавый и не деловитый до бесчеловечности. Марк вдруг понял, как много зависит от интонации человека, которому предстоит объяснять, что ты заказываешь чужое присутствие на день рождения умершей матери.

— Да. Удобно.

— Я вижу ваш заказ. Прежде чем подбирать участников, уточню несколько вещей. Встреча сегодня, с девяти до полуночи?

— Если можно, да.

— Можно. Это будет чуть дольше стандартного пакета, но я добавлю час к бронированию. Участники заранее знают точное время завершения и не задерживаются без согласования. Вам подойдут два человека?

Марк посмотрел на пустые стулья.

— Да. Сестра и, наверное, дядя.

— Биологические отношения или общий семейный формат?

Он помолчал.

— Общий. Я не хочу, чтобы они изображали конкретных людей.

Даша не задавала вопросов, которых он боялся. Не стала уточнять, почему он выбрал не настоящую сестру. Вместо этого спросила:

— Какой характер общения вам комфортен? Например, насколько допустимы объятия?

— Рукопожатие точно. Объятия... лучше спросить.

— Записала. «Длительность объятий — по отдельному согласию». Вам нужна какая-то особая динамика? Чтобы сестра была младшей или старшей?

— Младшей. Но не надо, чтобы она называла меня «братиком».

— Понимаю. Есть ещё пожелания к дяде?

Марк посмотрел на фотографию матери.

— Пусть будет спокойный. Не тот, который рассказывает истории громче всех.

— Хорошо. Предпочтительная степень близости?

— Семейная, наверное.

— Это может включать шутки, заботу, вопросы о самочувствии. Участники не будут придумывать общие воспоминания, если вы не попросите.

— Не прошу.

— Допустимые темы разговора?

— Книги. Еда. Что-нибудь обычное. Можно о маме, если я сам начну.

— А темы, которых следует избегать?

Марк провёл пальцем по краю стола. На экране ноутбука мигал курсор. До этого момента ему казалось, что дело только в правильных словах. Стоило их найти, и вечер, возможно, становился понятнее. Но нужные слова никак не хотели складываться в аккуратную формулировку.

— Не спрашивать, почему я не позвонил сестре, — сказал он.

— Записала.

— И не говорить, что семья — это самое важное.

— Тоже записала.

— Не говорить «зато у вас есть воспоминания».

Даша помолчала.

— Такие фразы мы отдельно проговариваем с участниками. Спасибо, что сказали.

Он почти извинился за то, что всё ещё продолжал перечислять условия. Вместо этого спросил:

— А если я не знаю, о чём говорить?

— Тогда можно не знать. Мы не обещаем, что разговор будет непрерывным. Участники обучены не заполнять каждую паузу.

Это прозвучало неожиданно полезно. Марк привык считать паузы проблемой, которую необходимо срочно отредактировать.

— Хорошо.

— И ещё один вопрос. Что должно произойти сегодня, чтобы вы сказали: «Этот вечер прошёл не зря»?

Марк посмотрел на стулья. Четыре места. Одно пустое даже при полной посадке. Он мог назвать десяток подходящих целей: отметить дату, поговорить о матери, поужинать, не сорваться на вино, не провалиться в воспоминания. Ни одна не была правдой целиком.

— Я не хочу праздника, — сказал он наконец. — Я хочу не быть одному.

На другом конце линии ничего не щёлкнуло и не зазвучало. Даша не похвалила его за откровенность, не сказала, что это очень смело. Просто ответила:

— Я запишу именно так. Мы можем обеспечить присутствие до полуночи. Ощущение одиночества я, к сожалению, в заявку внести не могу.

Марк коротко рассмеялся.

— Жаль. Я бы заказал его без доставки.

— Это, пожалуй, самый частый вопрос, который нельзя решить тарифом.

Она повторила условия, уточнила адрес и предупредила, что оба участника придут с документами и сначала представятся своими именами. Ролевое знакомство начнётся только с его согласия. У них были правила безопасности: никаких съёмок без разрешения, никаких прикосновений без согласия, никаких обещаний продолжить общение за пределами заказа. Оплата прошла по карте.

Когда разговор закончился, Марк обнаружил, что в анкете есть ещё одно поле: «Иная важная информация».

Там он написал: «Не оставлять одного до полуночи».

Не «сделать счастливым». Не «вернуть семью». Не «убедить сестру позвонить». Только не оставлять одного.

Фраза выглядела неловко, почти детски. Но под ней не требовалось ставить подпись за всю жизнь. Только на сегодняшний вечер.

До приезда оставалось сорок минут. Марк поставил чайник, убрал со стола счета и рекламную листовку. В холодильнике нашлись сыр, хлеб, оливки и коробка пирога, купленного на случай, если он не захочет готовить. Он нарезал сыр, переложил оливки в миску, потом

вернул их в банку: вдруг это будет выглядеть слишком старательно. Затем снова выложил в миску, потому что гости всё-таки должны были что-то есть.

За окном сгущались сумерки. В стекле отражалась кухня, и Марк на секунду увидел себя со стороны: взрослый мужчина в домашней рубашке раскладывает закуски для незнакомцев, которые будут называть его братом и племянником. Ему захотелось рассмеяться. Потом — заплакать. Он не сделал ни того ни другого, что показалось самым разумным решением из доступных.

В девять без пяти зазвонил домофон.

— «Близкие рядом», — ответил Марк.

— Добрый вечер. Лида и Павел.

Голос был женский. Марк нажал кнопку, открыл входную дверь и услышал, как в подъезде заработал лифт.

Пока тот поднимался, он вернулся к столу и передвинул фотографию матери ближе к свободной тарелке. Потом отодвинул обратно. В конце концов оставил там, где она стояла всегда, на полке между сборником рассказов и старым атласом.

Дверной звонок прозвучал коротко.

На пороге стояли двое. Лида была чуть ниже Марка, в тёмно-зелёном пальто и с бумажным пакетом в руках. Павел, широкоплечий, седой, держал под мышкой сложенный зонт. Они выглядели не как актёры, а как люди, которые по дороге сюда спорили о том, где купить приличный хлеб.

— Марк? — спросила Лида.

— Да.

— Я Лида. Это Павел. До знакомства по роли мы можем обращаться друг к другу по именам. Даша сказала, что так вам удобнее.

— Удобнее, — подтвердил он. — Проходите.

Павел снял обувь и поставил её аккуратно у стены. Лида не обняла Марка и не стала ободряюще улыбаться. Просто дождалась, пока он отступит, чтобы пропустить их внутрь.

— Как договаривались, — сказала она, оглянувшись на него уже в коридоре. — Я ваша младшая сестра. Если хотите, можем придумать имя. Или оставить всё безымянным.

— Пока безымянным.

— Хорошо.

Павел чуть приподнял пакет.

— Я принёс пирог. Не как обязательный атрибут родственника, а потому что Даша сказала, что у вас будет чай.

— Спасибо. Я тоже купил.

— Тогда у нас будет запас, как в нормальной семье.

Шутка была осторожной, с открытой дверцей для отказа. Марк отметил это про себя и повёл гостей на кухню.

Лида увидела фотографию матери, но не спросила, кто на ней. Павел поставил пирог на стол и оглядел сервировку.

— Четыре места, — сказал он.

Марк почувствовал, как напряглись плечи.

— Одно для неё. Сегодня у неё был бы день рождения.

— Понятно, — ответил Павел.

Не «сочувствую», не «она наверняка вами гордится». Просто «понятно», и в этом слове было достаточно воздуха.

Лида села на стул у стены. Павел снял пиджак. Марк налил воду и поставил стаканы. На секунду ему показалось, что сейчас они все посмотрят на него, ожидая команды начать семей-

ную жизнь по инструкции. Но Лида спросила, как пройти на кухне, чтобы не задеть коленом угол стола, а Павел поинтересовался, какой пирог он купил.

Вечер не начался торжественно. Он начался с того, что трое взрослых людей устроились на маленькой кухне, проверили, кому удобнее сидеть у окна, и выяснили, что один пирог с яблоками, а другой тоже с яблоками.

Марк сел напротив временной сестры и дяди. Четвёртое место осталось свободным. На полке, в нескольких шагах от стола, улыбалась мать.

Он вдруг понял, что заказал не семью. Семью невозможно оформить на три часа, выбрать в списке подходящую степень близости и получить к девяти вечера. Он заказал встречу со своим ожиданием семьи: с тем, как она могла бы сидеть за этим столом, если бы никто не обиделся, не умер и не замолчал на три года.

Ожидание никуда не исчезло. Но теперь рядом с ним были живые люди, которые не обещали его исполнить.

Марк подвинул к Лиде блюдо с сыром.

— Берите, — сказал он. — А то он высохнет раньше, чем мы решим, о чём говорить.

Павел взял кусочек.

— Вот это разговор по существу.

За окном темнело. До полуночи оставалось почти три часа. Никто пока не собирался уходить.

Родственники по инструкции

Павел поставил бумажный пакет на свободный стул.

Пакет жалобно хрустнул, будто тоже собирался присоединиться к разговору, но не знал, с какой реплики начать.

— Там пирог, — пояснил Павел. — Я подумал, что к чаю пригодится.

Марк посмотрел на стул. На нём лежал пакет с пирогом, рядом стояла тарелка с другим пирогом, а за столом уже ждали три человека, каждый со своей ролью и с лицом человека, который надеется не наступить на чужую боль.

— Конечно, — сказал Марк. — Пирог всегда пригодится.

Он произнёс это ровно так, как заранее приготовил: дружелюбно, но без излишней теплоты. В его блокноте, лежавшем возле тарелки, напротив фразы «Павел спрашивает о работе» уже стояла галочка.

Лида протянула руку к скатерти. Она поправила угол, разгладила складку и выровняла край по столу с точностью портного, которому доверили семейную реликвию.

— Маркуша, салфетки в верхнем ящике, справа, — сказала она. — Ты же написал, что они там.

Марк посмотрел на неё.

— Вы помните?

— Ты указал это в анкете, — спокойно ответила Лида. — Чтобы я не стала открывать все ящики подряд. Я решила, что это разумно.

Она выдвинула ящик, достала салфетки и положила их возле тарелок. Ни торжественности, ни загадочной интонации, будто она всю жизнь знала, где в его кухне лежит каждая мелочь. Просто прочитала инструкции и постаралась не вторгаться.

И всё же в Марке шевельнулось знакомое беспокойство. Лида знала, где салфетки. Павел принёс пирог. Они произносили слова, которые он сам заранее предусмотрел. От этого вечер начинал походить на репетицию семейного праздника, где каждый выучил свою реплику, а главный герой забыл, что должен чувствовать.

— «Маркуша» тоже было в анкете? — спросил он.

Лида задержала руку над скатертью.

— Нет. Это было моё предложение. В заявке ты написал, что можно обращаться по-домашнему, но не указал как именно. Если тебе не подходит, я буду говорить «Марк».

Она не стала оправдываться или настаивать, что так принято. Просто оставила ему выбор.

Марк взглянул на блокнот. Там, среди заметок «не обсуждать мать», «не спрашивать о личной жизни» и «поддерживать беседу», его рукой было написано: «Обращаться тепло». Он сам заказал тепло, но, конечно, не мог определить, в какой именно форме оно будет выглядеть.

— Маркуша нормально, — сказал он. — Просто неожиданно.

— Неожиданность не всегда означает ошибку, — сказала Лида и села.

Павел наконец освободил стул от пакета. Пирог переключался на край стола. Он был круглым, румяным, с золотистыми полосками теста.

— С яблоками? — спросил Марк.

— Конечно.

— У нас тоже с яблоками.

Павел посмотрел на тарелку. Потом на свой пирог.

— Значит, мы правильно поняли друг друга.

Марк не нашёлся, что ответить. Он отметил бы эту реплику в блокноте, если бы не держал ручку в руке.

В дверь позвонили.

Марк вздрогнул так, будто звонок прозвучал не в квартире, а прямо в его тщательно составленном плане вечера. Он достал телефон. На экране было сообщение от координатора: «Соня у двери. Подтверждаете?» За ним следовало короткое напоминание о том, что к встрече присоединится двоюродная сестра — младшая актриса, которая должна была прийти немного позже.

Марк нажал «Да» и посмотрел на остальных.

— Я забыл, что она будет.

— Это нормально, — сказала Лида. — Встреча твоя. Не мы должны помнить за тебя всё, что ты заказал.

Слова были простые, почти рабочие. Но в них не было ни упрёка, ни насмешки.

Соня вошла в комнату в тёмно-синем свитере и с красными щеками после улицы. На вид ей было лет двадцать. Она сняла куртку, но не стала сразу обнимать Лиду или касаться Марка.

— Привет. Я Соня, двоюродная сестра, если сегодня всё ещё этот вариант, — сказала она. — Обниматься не обязательно, верно?

Марк хотел ответить заготовленным «Конечно, как тебе удобно», но услышал в этой фразе сухой отзвук собственной инструкции.

— Верно. Спасибо, что спросила.

Соня улыбнулась и села на свободное место. Его кресло, между прочим, располагалось рядом с фотографией матери, стоявшей на полке. Соня заметила снимок, но не посмотрела на Марка с вопросом, который пришлось бы либо принять, либо оттолкнуть.

Она сняла со спинки стула кардиган, который туда повесил Марк, и аккуратно положила его рядом.

— Маркуша, ты же помнишь, как мы в школе ходили к Галине Андреевне, — начала она. — Как её фамилия была? Кузнецова?

Марк поднял голову.

Соня замерла.

— Нет, простите. В карточке было другое имя, — сказала она. — Учительница была выдуманная, и я сейчас не вспомнила фамилию. Кажется, назвала не ту.

Она произнесла это без паники, но с той аккуратностью, с какой человек ставит на стол треснувший стакан: не прячет, не делает вид, что всё цело, а предупреждает, чтобы никто не порезался.

— Учителей в моей школе было много, — сказал Марк. — Может быть, и Кузнецова где-нибудь найдётся.

— Спасибо, — сказала Соня. — Но я не хочу сочинять, что у нас с тобой общая память, если мы её не согласовали.

Марк посмотрел на неё, потом на блокнот. Он заранее подготовил несколько фраз на случай неловкости, но сейчас ни одна не подходила. Он чувствовал, как внутри поднимается желание быстро исправить сцену: подсказать ей фамилию, попросить повторить начало, найти в карточке точную формулировку. Сделать так, чтобы всё снова шло по плану.

Он положил ручку.

— Можно я кое-что скажу до того, как мы продолжим?

— Конечно, — ответила Лида.

— Я понял, что всё время проверяю, насколько правильно вы играете. И, кажется, это не совсем про вас.

— А про что? — спросил Павел.

Вопрос мог быть очередной репликой из списка. Но Павел не подвинулся ближе, не стал подсказывать ответ и не торопил. Просто ждал.

— Про то, что мне страшно неловко, — сказал Марк. — Я пытаюсь заранее предусмотреть каждую неловкость. Если знать, кто что скажет, можно не оказаться застигнутым врас-

плох. Только тогда весь вечер выглядит так, будто я проверяю актёров на роль, которую сам не умею играть.

— Это понятная попытка, — сказала Лида. — И неплохая защита. Но она не обязана работать бесконечно.

Марк кивнул. Ему хотелось уточнить, что она не должна была анализировать его, однако фраза не пришла. Вместо неё он открыл блокнот на странице с правилами.

— Я записал несколько вещей. Наверное, лучше проговорить. Есть темы, которые не надо затрагивать без моего согласия. Первая — мама. И всё, что связано с её смертью. Вторая — отец и то, почему мы перестали общаться. Третья — мои отношения, дети и почему их нет.

Он остановился. Сказанное прозвучало деловито, как список противопоказаний, и всё же плечи у него немного опустились.

— Не потому, что это ужасные тайны, — добавил он. — Просто если разговор туда попадёт, я начну отвечать так, будто сдаю экзамен.

— Поняла, — сказала Соня. — Не спрашиваю, пока ты сам не откроешь эту тему.

— Я тоже, — сказал Павел. — Даже если ты сам начал, можно передумать.

Марк не ожидал, что последнее окажется важным. Он представил разговор, в котором однажды произнесёт лишнее, а потом обязан будет продолжать, потому что сам открыл дверь. У него внезапно появилась возможность вообразить другую дверь: ту, которую можно закрыть без объяснений.

— И ещё, — сказал он. — Давайте выберем слово. Если кто-то его произносит, мы выходим из роли и делаем паузу. Без вопросов «почему» и «что случилось».

— Какое слово? — спросил Павел.

Марк подумал. «Стоп» казалось слишком похожим на команду. «Перерыв» — на просьбу, требующую обоснования. Он посмотрел на фотографию маяка на своей кухонной стене, небольшой чёрно-белый снимок, который когда-то купил в поездке.

— Маяк.

Соня кивнула.

— Хорошее слово. Видно издалека.

— Маяк значит, что роль можно остановить, — сказала Лида. — Для любого из нас. Если я устану изображать тётю или почувствую, что меня просят сыграть то, чего мы не обсуждали, я тоже могу его сказать.

— И можно просто выйти, — добавил Павел. — Вода, воздух, звонок координатору. Не обязательно немедленно возвращаться и делать вид, что ничего не было.

Марк посмотрел на него с удивлением. В его представлении профессиональные актёры должны были до последней минуты безупречно удерживать образ. Он не думал, что роль может быть безопасной для них тоже.

— Вы не обязаны притворяться, что знаете меня с детства, — сказал он.

— Не обязаны, — подтвердила Лида. — Мы можем сыграть семейный жест, если тебе хочется. Подать пирог, спросить, будешь ли чай. Но я не стану рассказывать, как держала тебя на руках, когда этого не было.

— Я бы, наверное, и не поверил, — сказал Марк.

— Вот поэтому и не стану, — ответила она.

Они договорились о темах, с которых можно было начать: еда, город, работа — без подробных расспросов и без обязанности рассказывать больше, чем хочется. Соня предложила ещё фильмы, но призналась, что сама часто забывает названия, зато отлично помнит, где в кинотеатре самая неудобная ступенька. Павел одобрил эту тему как достойную семейной беседы.

Марк снова взглянул на страницу. Его список не исчез и не превратился в пустую бумагу. Просто теперь рядом с ним появились чужие голоса, которые не требовали выполнять всё по пунктам.

Павел подвинул к нему тарелку.

— Ну что, как работа?

Марк почувствовал, как внутри автоматически поднимается заранее приготовленный ответ: «Нормально, много дел». Он уже почти произнёс его. Потом остановился.

— Я редактирую инструкции, — сказал он. — Объясняю людям, какую кнопку нажать, когда загорится красная лампочка. А перед этой встречей составил инструкцию, как вам разговаривать со мной. Видимо, я пытаюсь редактировать даже то, что ещё не произошло.

Павел не стал задавать следующий вопрос из списка.

— Это должно утомлять, — сказал он.

— Иногда. Но сейчас стало немного смешно.

Слово «немного» Марк добавил на всякий случай, хотя улыбка уже появилась сама.

Лида разрежала пирог, который принёс Павел. Тесто хрустнуло, изнутри пахнуло тёплой корицей. Она положила куски на тарелки и не спросила, хочет ли он вспомнить, как в детстве ел такие же пироги. Это было бы легко сыграть. В семейных сценах подобные мосты лежали на виду: знакомый запах, привычная еда, фраза про детство. Но Лида оставила мост на месте и не заставила Марка по нему идти.

Он заметил фотографию матери на полке. Потом перевёл взгляд на стол. Перед ним лежал кусок пирога, рядом Павел с бумажной салфеткой, Соня, которая пыталась отломить корочку, не уронив яблочную начинку на скатерть, и Лида, расправлявшая салфетку так тщательно, будто готовилась принимать государственную комиссию.

Это был семейный ритуал, сыгранный людьми, которые условились притвориться родственниками. В этом не было ни обмана, ни волшебства. Были тарелки, чай, подходящие слова и небольшая, заранее предусмотренная форма. А живой контакт возникал в тех местах, где форма переставала совпадать с происходящим. Например, когда Соня не помнила фамилию учительницы и не стала притворяться. Или когда Марк сказал не то, что записал себе заранее.

Павел посмотрел на два пирога.

— Слушайте, а ведь это уже похоже на семейную традицию.

— Какая именно? — спросила Соня.

— Приносить два одинаковых пирога и делать вид, что так задумано.

Марк хотел было ответить чем-то из записок, но записок для этого не существовало. Он взглянул на пироги, на сосредоточенную Лиду, на Павла, который с совершенно серьёзным видом ждал оценки собственного вклада, и вдруг сказал:

— Похоже, яблоки — единственные родственники, с которыми нам удалось заранее договориться.

Соня фыркнула. Павел рассмеялся первым, громко и с хрипотцой. Лида прикрыла улыбку ладонью, но не удержалась и тоже засмеялась. Марк засмеялся вместе с ними.

На секунду он растерялся от собственного смеха. Он не знал, была ли это удачная реплика, не успел проверить, к месту ли она, и не подумал, что должен почувствовать после. Звук просто вышел из него, лёгкий и немного удивлённый.

Марк посмотрел на блокнот. Ни галочки, ни пометки напротив нужной строки не было.

Он не стал ничего записывать.

Лида поставила перед ним чай. Павел отодвинул пакет, чтобы освободить место для блюда. Соня подняла кувшин и спросила, кому налить. Никто не произносил слово «маяк». Никто не притворялся, что вечер удался навсегда. И никто пока не собирался уходить.

Марк перевернул блокнот чистой стороной вверх.

Правила временной близости

Марк отодвинул чашку, чтобы освободить место для тарелки с хлебом, и встал помочь Лиде. Она выходила из кухни с чайником, он шагнул в сторону, пропуская её в дверях. На узком повороте они столкнулись плечами.

— Ой, ну вот, — сказала Лида и порывисто обняла его.

Всё произошло быстрее, чем Марк успел понять, хочет ли этого. Он застыл. Руки повисли вдоль тела, потом одна чуть приподнялась и остановилась, будто ждала указаний. Надо было обнять в ответ? Положить ладонь ей на спину? Сосчитать до пяти? Если не ответить, Лида поймёт, что он считает её чужой. Если ответить, то как будто согласится на что-то, чего ещё не успел выбрать.

От Лиды пахло чаем с чабрецом и чистым бельём. Её руки уже размыкались, но Марк всё ещё не двигался.

— Прости, — сказала она, отступив на шаг. — Я не подумала.

В дверях стало тесно не от людей, а от тишины. Павел остановился с тарелкой в руке. Соня перестала наливать воду. Марк почувствовал, как у него горят уши.

— Ничего, — произнёс он слишком быстро. — Всё нормально.

Слова привычно выскочили впереди него самого. Он почти всегда успевал сказать «да ничего» раньше, чем выяснял, было ли ему действительно ничего. Так было проще: никто не огорчался, разговор продолжался, а неприятное ощущение можно было отложить на потом. Иногда оно потом терялось. Иногда оставалось в плечах и напоминало о себе ночью.

Лида поставила чайник на стол.

— Не обязательно говорить, что нормально, если тебе не нормально, — сказала она без упрёка. — Я правда не хотела тебя смутить.

Марк посмотрел на свои ладони. Ему захотелось спрятать их в карманы, но карманов у домашних брюк не было. Он разжал пальцы.

Из соседней комнаты донёсся тихий щелчок. Даша, координатор сервиса, сидела там с планшетом и проверяла сообщения. Она подняла глаза, но не стала подходить сразу.

— Хотите, я присоединюсь? — спросила она.

Марк не знал, что именно должен ответить. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь помог назвать случившееся, но не превращал его в происшествие. Он кивнул.

Даша вошла, оставив планшет на подоконнике.

— Мы не обязаны сейчас устраивать большое обсуждение, — сказала она. — Можно просто разобраться, какие жесты у нас входят в договорённость, а какие лучше сначала спрашивать.

— Объятия точно не были внесены в сценарий, — заметил Павел. — Там было «семейный ужин». Не «семейный ужин с дополнительной программой для плечевого пояса».

Соня фыркнула. Лида улыбнулась, и напряжение немного отпустило, хотя Марк всё ещё чувствовал его под рёбрами.

— Я подумала, что так будет естественно, — сказала Лида. — Но естественно для меня не значит автоматически удобно для тебя.

— Я не против вас, — произнёс Марк. — Я просто... не знаю заранее, какотреагирую. Иногда сначала соглашаюсь, а потом понимаю, что не хотел.

— Это знакомая ловушка, — сказала Даша. — Особенно если кажется, что отказ обидит человека или испортит всё, что вы строите.

Марк поднял на неё глаза.

— Если я не обниму Лиду, получается, что я отказываюсь от... ну, от этой семейной атмосферы.

Слово «атмосфера» прозвучало нелепо. Будто он обсуждал погоду, а не то, каково ему было секунду назад в дверях. Но никто не засмеялся.

— Нет, — ответила Лида. — Я могу быть рядом и без объятий.

Она сказала это спокойно, без поспешного «конечно-конечно», в котором часто пряталось ожидание, что собеседник немедленно передумает. Марк заметил, что Лида не стала снова к нему приближаться. Её руки лежали на краю стола, раскрытые и неподвижные.

Даша взяла со стола чистую салфетку и перевернула её пустой стороной вверх.

— Иногда помогает иметь под рукой короткую фразу. Не идеальную, а такую, которую можно произнести, пока голова ещё собирает мысли. Например: «Мне так не подходит».

Марк повторил про себя. Слова показались ему слишком резкими, словно за ними обязательно должна была следовать ссора.

Даша будто заметила это.

— Можно сказать мягче, но не обязательно длиннее. «Давайте сначала спросим». Или: «Сейчас мне нужно немного пространства». Это не обвинения. Это информация о том, что с вами происходит.

Павел поставил тарелку на стол.

— Мы тоже можем отказаться от контакта, — добавил он. — Я играю старшего брата, но не являюсь общедоступной вешалкой для дружеских похлопываний.

— У тебя очень драматичные отношения с похлопываниями, — сказала Соня.

— Я просто защищаю достоинство вешалки.

На этот раз Марк улыбнулся. Не широко, но без усилия. От шутки стало легче: правила не выглядели ни наказанием, ни экзаменом на человечность.

Даша пододвинула салфетку к нему.

— Хотите попробовать одну фразу? Не обязательно прямо сейчас. Можно просто сказать её нам, чтобы услышать, как она звучит.

Марк взглянул на Лиду. Она не подсказывала и не ждала от него успокоения. Только кивнула, как будто у него действительно было время выбрать.

— Сейчас без объятий, — сказал он.

Получилось тише, чем хотелось. В конце голос почти поднялся, превращая утверждение в вопрос. Но фраза всё равно прозвучала.

Лида не изменилась в лице. Не отвела взгляд, не стала оправдываться и не попыталась доказать, что объятие было пустяком.

— Конечно, — сказала она. — Спасибо, что сказал.

Марк моргнул. Он ожидал, что в комнате что-то изменится: что улыбки станут осторожнее, а разговор — натянутым. Вместо этого Павел спросил, куда поставить хлеб, Соня потянулась за кувшином, а Лида спокойно взяла чашку и налила ему чай. Не было ни наказания, ни примирительного спектакля. Объятие закончилось, а вечер продолжился.

Он вдруг понял, как много сил тратил, заранее защищая других людей от возможного разочарования. Он старался так тщательно, что иногда даже не оставлял им возможности отнестись к его отказу по-человечески.

— Если мы всё-таки хотим обниматься, это тоже можно обсудить? — спросил он. — Не сегодня обязательно. Просто... чтобы не было неожиданно.

— Конечно, — сказала Даша. — Только важно: договорённость о возможном объятии не означает согласие на любое объятие и в любой момент. Лучше спросить непосредственно перед ним. И ответ может измениться.

— А время? — Марк помедлил. — Я видел где-то правило про пять секунд.

— Можно договориться, что, если оба согласны, объятие длится не дольше пяти секунд, — сказала Даша. — Но это ориентир, а не обязанность выстоять весь срок. Можно отстраниться раньше. Можно передумать. Пять секунд не превращают «нет» в «да».

Лида чуть наклонила голову.

— А можно просто спросить: «Тебя можно обнять?» И тогда ты не должен угадывать, чего я хочу.

— И я могу ответить «не сейчас», — сказал Марк.

— Именно.

Слово «можно» прозвучало странно легко. Оно не требовало объяснения, почему именно сейчас не хочется. Марк посмотрел на вход в кухню. Дверной проём был тот же: узкий, с чуть облупившейся краской у косяка. Но теперь это была просто дверь, а не ловушка, в которой требовалось мгновенно выбрать правильный жест.

— Давайте сначала спросим, — повторил он, уже увереннее.

— Записать на салфетке? — спросил Павел. — Можем повесить на холодильник. Рядом с графиком полива фикуса.

— У нас нет фикуса, — сказала Соня.

— Вот поэтому он и засох.

Лида рассмеялась. Марк тоже, коротко и чуть сипло. Он не проверял, достаточно ли громко смеётся, чтобы показать, что всё в порядке. Смех просто случился.

Они вернулись к столу. Лида села напротив него, оставив между ними привычное расстояние. Не демонстративное и не выверенное, а обычное: достаточно близко, чтобы передать сахарницу, и достаточно далеко, чтобы каждый мог свободно двигаться.

Разговор снова потёк — не гладко, но уже без опасной необходимости изображать близость. Соня рассказывала, как перепутала два одинаковых пакета в магазине и принесла домой корм для кота вместо муки. Кота у неё не было, а корм был с таким серьёзным названием, что она на секунду подумала, будто купила строительную смесь. Павел уверял, что однажды приготовил суп по рецепту, в котором «лавровый лист» оказался лавровым ароматизатором для машины. Марк слушал и время от времени добавлял короткие реплики.

Он всё ещё не чувствовал себя частью семьи. Но и не требовал от себя такого чувства. Сейчас ему хватало общего стола, горячего чая и того, что люди не исчезали, если он говорил неудобную правду.

После ужина Павел поднялся, чтобы убрать тарелки. Марк тоже встал. Они встретились у стола, и Павел протянул руку к стопке посуды. Марк не отдернул свою, но и не стал изображать привычную небрежность. Он посмотрел на Павла и сам протянул ему руку.

Павел задержался на полсекунды, заметив жест, и ответил рукопожатием. Его ладонь была тёплой и сухой. Они пожали руки коротко, без театрального усилия.

— Вот так хорошо, — сказал Павел.

— Да, — отозвался Марк. — Так хорошо.

Плечи у него чуть опустились. Не потому, что теперь он умел безошибочно устанавливать границы, а потому, что в этот раз выбрал сам. Простое рукопожатие не было заменой объятию и не должно было им стать. Оно подходило ему именно сейчас.

Даша вернулась к планшету. На экране мигнуло уведомление, и она взглянула на время. Марк тоже посмотрел на часы над дверью. До полуночи оставалось меньше часа. В заказе было указано, что встреча закончится в полночь.

Он знал это с самого начала. Сам выбрал время, сам подтвердил договорённость. Но теперь, когда рядом смеялись и передавали друг другу тарелки, цифры на циферблате вдруг показались не просто частью расписания. Они обозначали место, где этот вечер должен был закончиться.

Марк отвёл взгляд, но мысль не ушла. Ему хотелось попросить Дашу не смотреть на часы. Не сейчас. Не так часто. Он ещё не знал, можно ли просить об этом и что именно такая просьба будет означать. Но впервые за вечер заметил желание раньше, чем согласился с ним или оттолкнул его.

Он взял чашку обеими руками. На этот раз — просто потому, что она была тёплой.

Клиент просит не смотреть на часы

Павел потянулся за хлебом, и манжета его рубашки съехала к локтю. На запястье блеснули часы.

Марк посмотрел на них, потом на Павла.

— Можно попросить вас не смотреть на часы?

Павел замер с хлебной корзинкой в руке.

— Я пока смотрел на хлеб.

— Тогда продолжайте смотреть на хлеб. И вообще, — Марк помедлил, — не смотрите на время. Никто.

Даша подняла глаза от планшета. Соня остановила вилку на полпути ко рту.

— Это новое условие заказа? — спросила Даша.

— Нет. То есть не совсем. Я подумал, может, мы могли бы перевести все часы в квартире.

Павел осторожно поставил корзинку на стол.

— На другое время?

— На какое-нибудь, в котором еще не полночь.

На секунду все замолчали, а потом Соня фыркнула. Не громко, но так искренне, что Павел тоже улыбнулся.

— У меня на телефоне автоматический часовой пояс, — сказала она. — Его сложно обмануть.

— А микроволновку можно, — заметил Павел. — Она все равно спешит.

— Прекрасно, — сказал Марк. — Начнем с микроволновки. Потом займемся вашими часами.

— Только учтите, — Даша положила планшет на стол, — мои часы в голове. Их не перевести.

Марк усмехнулся, но улыбка вышла короткой. За дверью, на стене, продолжали тикать часы. Он не смотрел на них, однако слышал каждый щелчок, будто кто-то неспешно отсчитывал оставшиеся кусочки вечера.

— Заказ до полуночи, верно? — спросил он.

— Верно, — сказала Даша. — Мы это обсудили до начала встречи.

— Я знаю. Я сам так заказал.

— И все еще можешь передумать насчет того, как провести оставшееся время, — добавила она. — Но не насчет того, что мы договорились закончить в полночь.

Марк провел пальцем по теплой чашке. От нее пахло черным чаем и корицей.

— Я не пытаюсь вас задержать.

Павел посмотрел на него поверх очков.

— Пока ты предлагаешь перевести микроволновку в другой часовой пояс.

— Это техническая мера, а не задержание.

На этот раз засмеялись все, и смех немного ослабил натянутую струну. Не снял напряжение, а только дал ей не лопнуть.

Даша достала из сумки плотную карточку и ручку.

— Давай попробуем не отменять время, а разложить его на части. Чтобы у вечера были не только начало и конец.

— У вечера уже есть конец, — сказал Марк.

— Именно поэтому можно выбрать, что в него поместить.

Она перевернула карточку и провела четыре строки. Вверху написала: «Карта вечера».

— Сейчас одиннадцать двенадцать, — сказала она, взглянув на планшет. — Мы можем оставить ужину десять минут. Потом, если захочешь, выделить время на воспоминание. После

этого чай и небольшая пауза, чтобы передохнуть. И заранее оговоренное завершение. Не внезапное.

Марк посмотрел на четыре пустые строки. Они напоминали расписание поездки, где никто не обещал отменить станцию назначения, зато можно было выбрать, у какого окна посидеть.

— А если я не захочу говорить? — спросил он.

— Тогда этап с воспоминанием пройдет в тишине. Или мы изменим его. Это карта, не экзамен.

— А часы вы все-таки будете смотреть?

— Иногда буду, — ответила Даша. — Мне нужно следить за временем встречи. Но я не обязана каждый раз сообщать тебе, сколько осталось. Можем договориться, что я предупрежу только о начале последнего этапа.

— И тогда я не буду знать до последней минуты?

— Будешь. Я скажу заранее. Мы не будем делать вид, будто времени нет.

Марк посмотрел на карточку. Ему хотелось сказать, что именно так и было бы лучше: пусть вечер просто продолжится, пусть все заняты едой, чаем, разговорами, пусть никто не замечает, как стрелки ползут к двенадцати. Но просьба не смотреть на часы уже показала, чего он хотел на самом деле. Не остановить вечер, а не видеть, как тот заканчивается.

— Хорошо, — сказал он. — Давай попробуем.

Даша записала:

«Ужин — 23:12–23:22».

«Воспоминание — 23:22–23:37».

«Чай и отдых — 23:37–23:49».

«Завершение — 23:49–00:00».

Под третьей строкой она добавила: «Пауза пять минут».

— Какой момент ты хочешь прожить внимательно? — спросила она.

Марк не ответил сразу. Павел уже раскладывал хлеб по тарелкам. Соня пододвинула к нему блюдо с запеченными овощами. Лида, до этого молча наблюдавшая за разговором, поднялась со стула и направилась к плите.

— Не знаю, — сказал Марк. — Может быть, ужин. Я могу попробовать не думать все время, что он скоро кончится.

— Это вполне конкретный выбор, — сказала Даша.

Лида вернулась с тяжелой жаровней, от которой поднимался пар. На кухне сразу стало пахнуть укропом, жареным луком и чем-то сливочным. Она поставила блюдо на подставку, поправила полотенце на ручке и спросила, кому положить горячее.

Марк потянулся за тарелкой, но остановился.

— Знаете, что смешно? Я ведь даже не помню, что ел в последний вечер с мамой.

Лида не ответила за него. Она просто придержала жаровню, пока Павел накладывал себе овощи.

Марк встал, чтобы найти штопор. Он открыл один ящик, потом другой. В первом нашел батарейки, старый ключ и резинку для волос, хотя жил один. Во втором лежали скотч, ножницы и инструкция к тостеру, который давно выбросил.

— Штопор должен быть где-то здесь, — сказал он.

— Это обычно говорят люди, у которых есть специальный ящик для штопоров, — заметил Павел.

— У меня специальный ящик для вещей, которые я не могу найти.

Марк выдвинул нижний ящик. За пачкой свечей обнаружился штопор. Он держал его в руке и смотрел на стол, где Даша уже положила рядом с карточкой четыре тарелки.

— В тот вечер мама приготовила суп, — сказал он. — Кажется, гороховый. Я торопился. У меня с утра была важная встреча, и я все время проверял телефон. Мама спросила, останусь ли я еще на чай. Я сказал, что нет, потому что надо закончить презентацию.

Он положил штопор на стол, но сам не сел.

— Когда я уже ушел, она позвонила. Я увидел ее имя на экране и не ответил. Решил, что перезвоню, когда закончу. А утром мне сообщили, что ночью она умерла.

Лида остановилась с половником в руке. Не стала ни возражать, ни произносить утешительные слова. Просто смотрела на Марка, давая ему договорить, если он захочет.

Павел задал один вопрос:

— Ты тогда знал, что этот звонок будет последним?

Марк покачал головой.

— Нет. Я даже не подумал, что она может звонить не по делу. Может, хотела спросить что-то обычное. Может, сказать, что чайник забыли выключить. Я не знаю.

Соня молча опустила глаза в тарелку. Она не протянула руку через стол и не попыталась накрыть его ладонь своей. И в этом молчании не было ни холодности, ни неловкого бегства. Просто никто не торопился превратить его слова во что-то удобное для ответа.

Марк сел.

— Я часто представляю этот звонок, — сказал он. — Как будто в нем был какой-то правильный ответ, который я пропустил. Я не собираюсь просить вас сказать, что все было неважно. Это было важно. Я не ответил.

Он взял ложку, но не стал есть.

— Только я не хочу делать вид, будто этот звонок объясняет всю мою жизнь с ней. Или превращает меня целиком в человека, который однажды не взял трубку.

Лида поставила перед ним тарелку.

— Супа в тот вечер, значит, не помнишь, — сказала она. — А что помнишь?

Она не спросила, чтобы вытащить из него побольше боли. В ее голосе звучало обычное человеческое любопытство, такое же, с каким за ужином спрашивают о рецепте или старой фотографии.

Марк посмотрел на блюдо.

— Она всегда отдавала мне самые неровные куски хлеба. Говорила, что у меня челюсть сильнее. А сама забирала хрустящие корочки. Я долго верил, что это правда.

— И сколько лет тебе было, когда ты понял, что это уловка? — спросил Павел.

— Сорок. Примерно. Она все еще делала так.

— Значит, уловка была хорошая.

Марк наконец улыбнулся. На этот раз улыбка осталась на лице дольше.

Он положил себе овощей и отломил кусок хлеба. Корочка громко хрустнула. Теплый запах укропа, пар от жаровни, негромкий спор Павла с Соней о том, в какой момент запеченный картофель перестает быть гарниром и становится самостоятельным блюдом, постепенно вернули комнату к настоящему времени.

Не к времени, в котором ничего не случилось. К времени, где рядом стояла тарелка, а хлеб еще был теплым.

— Я выбрал ужин, — сказал Марк, взглянув на карточку. — И, кажется, хочу оставить воспоминание вот таким. Не все сразу. Только хлеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.